

УДК 94=161.1(045)"+(4–015)

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.18679051>

К ВОПРОСУ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ДВОРЦОВОГО ПЕРЕВОРОТА И ВРЕМЕНИ ВОЦАРЕНИЯ В КРЫМУ ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ I

Пенской В. В.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, Российская Федерация
E-mail: penskoy@bsuedu.ru*

Середина XVI в. в Восточной Европе – время больших перемен. Российское государство, пережив время политических неурядиц, вызванных обострившейся борьбой между боярскими кланами во время малолетства Ивана IV, вернулось в «Большую Игру». Местом приложения главных внешнеполитических усилий Москвы стала Казань. Покорение Казани в 1552 г. разом переменяло расстановку политических сил в регионе, что не могло не вызвать беспокойства у соседней России, в том числе и у таких отдаленных, как Османская империя. Стамбул, опасаясь дальнейшего усиления Москвы как потенциального участника антиосманской коалиции, и недовольный своеволием крымского хана Сахиб-Гирей I, решил сменить главу Крымского ханства. В результате дворцового переворота Сахиб-Гирей был свергнут, а на его место воссел его племянник Девлет-Гирей I, один из наиболее ярких представителей династии крымских Гиреев. Относительно времени переворота и его обстоятельств в отечественной и зарубежной историографии нет единого мнения. Господствующим является мнение, относящее это событие к осени 1551 г. В данной статье приводятся доводы, основанные на анализе русских источников (летописи, разрядные книги и дипломатическая переписка), в пользу иной датировки этого важного события – осень 1550 г.

Ключевые слова: Восточная Европа, Османская империя, Крымское ханство. Российское государство, Ногайская орда, русско-крымские отношения, Гирей, Сахиб-Гирей I, Девлет-Гирей I, Иван Грозный, Реммаль-ходжа.

Введение

Окончательный распад Золотой Орды в первой пол. XV в. запустил процессы переформатирования «ордынского мира». Возникшие на руинах Золотой Орды новые государства вступили в борьбу, стремясь занять доминирующие позиции на постордынском пространстве. Главными игроками в этой «Большой Игре» в Восточной Европе были Великое княжество Литовское, Русское государство и Крымское ханство. Последнее, посла падения Большой Орды в самом начале XVI в. заявило о своих единоличных претензиях на политическое наследство Золотой Орды и на обретение имперского статуса. Крымский имперский проект предполагал «реновацию» Золотой Орды и воссоздание «ордынского мира», но под крымской эгидой. Но для достижения этой цели крымским Гиреям необходимо было прежде всего подчинить своей воле остальные татарские юрты – Казань, Астрахань и «самовольную» Ногайскую Орду, а также вынудить Москву и Вильно признать (хотя бы формально, в форме более или менее регулярной присылки в Бахчисарай пресловутых) поминков») свой вассальный статус по отношению к Крыму.

Созданию условий для реализации этого плана была посвящена деятельность крымских «царей», начиная с фактического основателя Крымского юрта хана Менгли-Гирея I. Его сын Мухаммед-Гирей, захватив в 1523 г. Астрахань, добился на этом поприще впечатляющих успехов и в каком-то смысле на короткое время сумел воссоздать «ордынский мир». В самом деле, в Казани сидел его брат Сахиб-Гирей, со взятием Астрахани ногаи признали верховенство крымского «царя» над собой, Литва была союзником (младшим) Крыма, исправно слала в «имперскую» столицу «поминки», а великие литовские князья как вассалы получали ханские ярлыки на управление землями, ранее входившими в состав золотоордынской империи. И даже Москва после «крымского смерча» 1521 г. оказалась в двусмысленном положении – данную «царевичем» Петром Ибрагимовичем и боярами от имени Василия III грамоту с согласием на регулярную «магмет-кирееву» дань удалось изъять, однако память об этом казусе осталась и в Крыму, и в Москве.

Увы, миг торжества Мухаммед-Гирея оказался недолог – буквально несколько недель. Ногаи, улучив момент, убили в Астрахани и самого хана, и его старшего сына и наследника-калгу Бахадыр-Гирея, после чего разгромили крымское войско и устроили погром в самом Крыму. На без малого полтора десятилетия Крым погрузился в смуту и на это время выбыл из числа участников «Большой Игры», став объектом политических комбинаций со стороны соседей. Лишь в конце 30-х гг. хану Сахиб-Гирею I удалось стабилизировать ситуация в Крыму и вернуться к активной внешней политике. Однако при анализе его деятельности как политика складывается впечатление, что реализация имперского проекта явно не входила в число приоритетных внешнеполитических задач и его активность на этом поприще преследовала собой прежде всего решение другой задачи – удержания власти в Крыму.

Эта пассивность Сахиб-Гирея и его стремление решать в первую очередь проблемы, касавшиеся интересов его и его семейства в обход иных вопросов не могли не вызвать недовольства в Стамбуле. В столице османской империи рассматривали Крым как инструмент, посредством которого можно было поддерживать выгодный для Порты баланс сил в Восточной Европе, не втягиваясь напрямую и непосредственно в местные политические интриги. Между тем активизация во второй пол. 40-х гг. русской внешней политики и рост ее влияния в Поволжье, попытки Москвы сойтись со Священной Римской империей на антитурецкой почве явно смещали этот баланс сил в сторону, невыгодную Стамбулу. Слишком самостоятельный и себе на уме Сахиб-Гирей перестал устраивать османскую правящую верхушку. Результатом этого стал инициированный Стамбулом дворцовый переворот, в ходе которого Сахиб-Гирей лишился власти и жизни (а вместе с ним было убито и все его потомство по мужской линии),

Новый хан, племянник Сахиб-Гирея Девлет-Гирей I, сделал верные выводы из урока, преподанного ему столь наглядно турецким сюзереном, и активизировал свою внешнеполитическую активность. «Почти 25-летнее правление Девлета оставило яркий след и в истории Крыма, и в истории Восточной Европы», отмечал А. В. Виноградов, подчеркивая неслучайность того значительного интереса, который проявляет к личности Девлет-Гирея историческая наука и в России, и за рубежом [3, с. 64].

Вместе с тем стоит заметить, что при всем том интересе, который существует по отношению к личности Девлет-Гирея и его политической деятельности, ряд вопросов истории его правления и биографии остается дискуссионным. К их числу относятся, несомненно, и вопрос о времени и обстоятельствах прихода Девлет-Гирея к власти.

К историографии вопроса

На первый взгляд можно сказать, что в историографии устоялось мнение относительно датировки дворцового переворота, который привел Девлет-Гирея к власти. Еще в конце XIX в. автор фундаментальной и ставшей классической истории Крымского ханства В. Д. Смирнов относил перемену на крымском «царском» седалище к 1551 г. [20, с. 318. О роли В. Д. Смирнова в разработке истории Крымского ханства см., например: 12]. Вслед за В. Д. Смирновым к 1551 г. относил время переворота в Крыму и М. Д. Худяков в своих очерках по истории Казанского ханства [22, с. 116]. А. В. Виноградов в своем очерке о крымских ханах XVI в. также датировал переворот осенью 1551 г. [3, с. 63]. Этой же даты перемены власти в Крыму он придерживался и позднее, например, в 2-томном исследовании «Русско-крымские отношения 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века» [4, с. 124], вышедшем в 2007 г., и в соответствующих разделах («Внутриполитическое развитие Крымского ханства в XVI – начале XVII вв.» и «Крымско-русские отношения в XVI в.») многотомной «Истории крымских татар» [8, с. 201, 230]. При этом исследователь полагал вслед за французскими историками, что на некоторое время в Крыму установился режим своего рода «двоевластия» двух ханов, которое завершилось весной 1551 г. [4, с. 124].

Позицию А. В. Виноградова относительно датировки дворцового переворота в Крыму 1551 г. поддержал и И. В. Зайцев, который отнес это событие к концу этого года [7, с. 69]. Вместе с тем стоит заметить, что есть и иное мнение. В 1999 г. А. М. Некрасов осторожно предположил, что хотя по установившейся традиции дворцовый переворот в Крыму и датируется 1551 г., однако есть основания полагать, что это случилось на несколько месяцев раньше – осенью 1550 г., приведя в доказательство своего мнения ряд свидетельств датирующих смерть Сахиб-Гирея и возведение Девлет-Гирея на престол осенью (октябрь или ноябрь) 1550 г. [11, с. 51, 57].

Таким образом, в настоящее время относительно времени дворцового переворота в Крыму, в результате которого к власти пришел Девлет-Гирей I, среди исследователей нет единого мнения. Наиболее распространена точка зрения, согласно которой это событие произошло в 1551 г. (весной или в конце года). Другая, высказанная А. М. Некрасовым осталась практически незамеченной и не в ходу. Еще большая путаница возникает, если обратиться к главному источнику по истории правления Сахиб-Гирея I – «Истории Сахиб-Гирея», написанной придворным врачом хана и гадателем Реммалем-ходжой.

Версия Реммаля-ходжи

Сочинение Реммаля-ходжи, по замечанию И. В. Зайцева, самое раннее из числа дошедших до нас сочинений исторического характера, которые были созданы в

Крымском ханстве [7, с. 69]. Его автор, как следует из «Истории», был весьма близок к Сахиб-Гирею и пользовался его едва ли не неограниченным доверием и поэтому выбор именно Реммалья-ходжи Нур-Султан, дочерью покойного хана, в качестве автора биографии Сахиб-Гирея, был не случайным.

Свою «Историю» Реммаль-ходжа начал писать, судя по всему, вскоре после смерти и похорон Сахиб-Гирея, а завершил ее, как было указано им в конце рукописи, летом 1553 г. [2, с. 119, 241], т.е. жизнеописание Сахиб-Гирея составлялось по горячим следам очевидцем и участником многих из описываемых в «Истории» событий. Ценность хроники, как отмечал канадский историк В. Остапчук, заключается прежде всего в том, что ее автор «предпочитал давать относительно четкое описание событий и снабжать конкретными деталями, нежели загромождать свой труд демонстрацией напыщенного стиля и риторики» [14, с. 395]. Однако, вместе с тем, Реммаль-ходжа, создавая панегирик своему покровителю, не придавал значения точной датировке описываемых им событий, так что, по справедливому замечанию И. В. Зайцева, хронология его истории носит относительный характер и может быть восстановлена только при сравнении с данными русских и османских источников того времени [7, с. 81–82]. Этим замечанием мы и будем руководствоваться при установлении наиболее вероятной даты дворцового переворота, в результате которого на крымский престол вззошел хан Девлет-Гирей I, а Сахиб-Гирей и его сыновья были убиты.

Для уточнения хронологии дворцового переворота, в ходе которого в Бахчисарае произошла смена власти, у Реммалья-ходжи есть несколько «опорных» дат, которые позволяют составить в общих чертах представление относительно времени этого события. Первая дата касается начала цепочки событий, которые привели к смерти Сахиб-Гирея и возведению на престол Девлет-Гирея. «Не третий год после разгрома ногайцев, т.е. в 956-м году от бегства Пророка хан однажды спокойно и без великой заботы о каких-либо врагах сидел и давал аудиенцию, – писал в «Истории» Реммаль-ходжа, – как вдруг приехал человек из Казани и подал ему письмо от казанских беков». В этом письме казанская аристократия сообщала Сахиб-Гирею, что его племянник Сафа-Гирей, казанский «царь», умер, что русские предприняли поход на Казань, но были отбиты, однако собираются в новый поход. Поэтому, говорилось в письме, «когда нет головы, ноги крепко не стоят», и не будет ли крымский «царь» так любезен прислать в Казань сына Сафа-Гирея Букай-султана. Сахиб-Гирей ответил отказом на эту просьбу, но решил испросить у султана Сулеймана I разрешения посадить на вакантное «царское» седалище в Казани своего племянника Девлет-Гирея, отправив в Стамбул соответствующее послание [2, с. 99, 214–215].

956-й год хиджры соответствует христианскому 1549/1550 г., а данные русских летописей позволяют сузить временной промежуток, когда завязалась интрига, приведшая к переменам на политическом Олимпе Крымского ханства. Русские источники надежно датируют внезапную смерть Сафа-Гирея концом февраля – началом марта 1549 г. [10, с. 157]. Неудачный поход Ивана IV на Казань, о котором шла речь в послании из Казани, состоялся зимой 1547/1548 гг. [10, с. 155–156], а казанское посольство во главе с «князем» Енбарсом отправилось в Крым вскоре

после смерти Сафа-Гирея, т.е. весной 1549 г. Правда, по дороге оно было перехвачено мещерскими казаками во главе с атаманом Ураком и побито, а взятые ярлыки отосланы Ураком в Москву – возможно, с этим связано прохладное отношение Сахиб-Гирея к приехавшему к нему в конце весны – начале лета 1549 г. посланцу из Казани [19, с. 529]. Отметим в этой связи, что ногайский бий Юсуф сообщал Ивану IV в грамоте, полученной в июле 1549 г., что казанцы отправляли в Крым два посольства [17, с. 249]. Упомянутый же в «Истории» готовящийся новый поход Ивана IV на Казань пришелся на зиму 1549/1550 г. [10, с. 158–160]. Т.о., начало нашей истории может быть отнесено, согласно версии Реммаля-ходжи, к маю – июню 1549 г.

Далее, рассказывая, как Девлет-Гирей захватил власть в Крыму, Реммаль-ходжа указывает еще одну дату. По его словам, посланец Девлет-Гирея Кан-Берды-бек со свитой въехал в ханский дворец в Бахчисарае в ночь кадыр-геджеси, а сам Девлет-Гирей прибыл во дворец из Евпатории утром. Ночь кадыр-геджеси, или Ночь аль-Кадр, Ночь Предопределения, отмечается в последней декаде месяца рамадан, обычно в ночь перед 27-м днем рамадана, 9-го месяца исламского календаря. Отсюда следует, что эти описываемые Реммалем-ходжой события пришились на вторую декаду октября 1549 г.

Продолжая рассказывать историю падения Сахиб-Гирея, Реммаль-ходжа сообщал, что Эмин-Гирей, сын Сахиб-Гирея, который должен был встретить Девлет-Гирея у Перекопа и обеспечить ему проезд в Казань, узнал о том, что его кузен возведен на престол в первый день байрама и имя его было помянуто на хотбэ [2, с. 109, 228–229]. Если речь идет о Курбан-байраме (Ид аль-адха), начало которого относится к 10-му дню месяца Зу-л-хидджа, то интронизация Девлет-Гирея состоялась 31 декабря 1549 г. Можно предположить, что все это время, отделявшее коронацию Девлет-Гирея от его въезда в ханский дворец, ушло на согласование вопросов, связанных с передачей власти, между новым ханом и наиболее влиятельными татарскими «князьями», прежде всего карачи-беками (Реммаль-ходжа сообщал любопытную деталь этого затянувшегося на несколько недель процесса – Девлет-Гирей проявив неслыханную щедрость, буквально осыпал деньгами из ханской казны приходивших к нему на поклон бекам и тем самым купил их расположение [2, с. 109, 111, 229, 231]). После этого, в январе 1550 г., произошла расправа с детьми Сахиб-Гирея, которые были захвачены еще в октябре 1549 г., и убийство Сахиб-Гирея и его сына Гази-Гирея, сопровождавшего отца в походе на черкесов, в Тамани (где свергнутый хан все эти месяцы находился, по сути, под домашним арестом). Из контекста сообщения Реммаля-ходжи об этой трагедии следует, что ведущую роль в ней сыграли крымские беки, а сам новопоставленный «царь» молчаливо согласился с их решением (но впоследствии казнил главных виновников убийства [2, с. 116, 238]).

Таким образом, в изложении Реммаля-ходжи, завязка интриги, которая привела к смерти Сахиб-Гирея и его детей и возведению на престол Девлет-Гирея, пришилась на конец весны – начало лета 1549 г. Отказав казанским посланцам в их просьбе отправить на царствование в Казань одного из сыновей покойного Сафа-Гирея,

Сахиб-Гирей решил обезопасить себя со стороны пребывавшего в «гостях» у султана Сулеймана I племянника Девлет-Гирея, намереваясь сделать его новым казанским «царем». Сулейман ответил согласием, но втайне от крымского «царя» по наущению своего окружения решил заменить Сахиб-Гирея Девлет-Гиреем. Последний, имея на руках соответствующий султанский фирман, свиту из числа султанских капыкулу и казну, отправился завоевывать себе «царское» седалище. Сахиб-Гирей же тем временем ушел в поход на черкесов, отправив старшего сына и наследника калгу Эмин-Гирея с частью войска к Перекопу с наказом организовать соответствующую встречу Девлет-Гирею и препроводить его в Казань. Девлет-Гирей между тем, выжидая удобный момент для захвата власти, задержался в Аккермане. В конце октября 1549 г., убедившись, что в Крыму нет ни самого хана, ни его старших сыновей, он морем прибыл в Евпаторию, оттуда совершил скорый марш к Бахчисараю и, вступив в столицу крымского юрта, захватил ханский дворец и пленил семейство Сахиб-Гирея. Преданные крымской знатию и своим окружением, Сахиб-Гирей и Эмин-Гирей не оказали сопротивления, рассчитывая вернуть власть через прямое обращение к султану. Однако план Сахиб-Гирея не сработал. Сулейман I не нуждался больше в его услугах. В конце декабря 1549 г. Девлет-Гирей, купив себе расположение крымских беков, короновался, затем, в январе 1550 г., произошла расправа с самим Сахиб-Гиреем и его сыновьями, после чего новый крымский «царь» казнил всех причастных к убийству Сахиб-Гирея и его сыновей и тем самым окончательно утвердился у власти.

Русские источники о времени переворота в Крыму

Итак, по версии Реммалы-ходжи события, в ходе которых Сахиб-Гирей лишился власти и жизни, а новым крымским «царем» стал Девлет-Гирей, пришлось на конец весны 1549 г. – начало 1550 г., а захват ханского дворца как символический жест, означавший смену власти – на октябрь 1549 г. Но вот что примечательно. В продолжении русского Хронографа редакции 1512 г., завершеном несколько позднее, чем описываемые Реммалем-ходжой события, его составитель сообщает точную дату переворота – октябрь 1550 г.: «Лета 7059-го, октября, убил крымского царя Сап-Гирея Адевлет-Гирей Магмет-Гиреев сын и сел в Крыму повелением турецкого салтана Сулеймона» [19, с. 531–532]. Это единственное такого рода свидетельство, одинаково незамеченное ни А. В. Виноградовым, ни А. М. Некрасовым, ни В. Д. Смирновым, ни другими исследователями, ставит под сомнение датировку переворота, сделанную Реммалем-ходжой (конец 1549 г.), так и принятую в современной историографии и широко распространенную в литературе и в Сети (1551 г.) [см., например: 5, с. 231]. Однако запись «Хронографа» прекрасно коррелируется с информацией, которая содержится в других русских летописях, посольской документации и разрядных записях. Обращение к этим сведениям и их анализ позволяет, на наш взгляд, если и не поставить точку в затянувшейся дискуссии о времени переворота в Крыму, то, во всяком случае, предложить наиболее приближенный к истине вариант датировки этого события (которое, как показал

дальнейший ход истории, имело далеко идущие политические последствия для судьбы Восточной Европы, и не только ее одной).

Отправной точкой в наших изысканиях будет совещание Ивана IV с боярами 20 декабря 1550 г., на котором была утверждена наказная память гонцу Роману Остафьеву. Ему надлежало отправиться в Литву к великому князю литовскому Сигизмунду II в ответ на приезд в Москву в августе того же 1550 г. литовского посланника Ст. Едровского (и отъезд Остафьева состоялся 28 декабря 1550 г.). В этой наказной памяти, упоминаемой, кстати, А. М. Некрасовым, помимо всего прочего, гонцу предписывалось на вопрос о состоянии отношений между Москвой и Бахчисараем отвечать следующим образом: «В Крыму учинился Девлет-Кирей царь; а прислал к государю нашему своего человека Янмагмета с тем, что перед государя нашего послом перед Иваном Полевым правду учинил на том, что ему быти с государем нашим в крепкой дружбе потомуж, как был Менгли-Гирей царь с дедом государя нашего и со отцом». С ответной миссией в Крым отъехал гонец А. Щепотев, говорилось дальше в памяти [15, с. 343]. А. В. Виноградов писал в своем исследовании о русско-крымских отношениях в эпоху Ивана IV и Девлет-Гирея I, что поездка Щепотева состоялась, «вероятно, в конце 1551 г.». При этом исследователь отмечал с сожалением, что время отпуска миссии Щепотева при нынешнем состоянии источников точно определить не представляется возможным [4, с. 86]. Однако, как мы видим, материалы посольской книги, время отправки царского гонца в Крым определяется на деле достаточно точно – конец осени, крайний срок – начало зимы 1550 г. Можно ли сузить временные рамки отъезда миссии А. Щепотева?

На этот вопрос, на наш взгляд, можно ответить утвердительно. Миссии Ст. Едровского, Я. Остафьева, Янмагмета и А. Щепотева взаимосвязаны. И, исходя из этого, можно попробовать восстановить, зная их последовательность, и примерную хронологию событий и дипломатических пересылок конца лета – начала зимы 1550 г.

Ст. Едровский прибыл в Москву 10 августа 1550 г., но, против обыкновения, был принят Иваном IV далеко не сразу. На закономерный вопрос литовца о причинах такой задержки московским приставам боярской думой было предписано отвечать следующим образом: «Пришла к государю нашему весть, что крымской царь вышел, а прямово ведома нет, куды ему ийти, на государя ли нашего украины или на литовские украины», почему «государь наш по всем украинам послал воевод многих со многими людми. А сам пошел на Коломну, а ждем вести: нечто на которую украину царь пойдет, и государь хочет на него сам ити». Вернулся Иван IV в столицу 21 августа [15, с. 334], когда напряжение спало и стало ясно, что «царь» на «крымскую» украину не придет, после чего и состоялся прием посланца. Москву Едровский покинул 31 августа 1550 г. [15, с. 334, 339].

Обстоятельства и временные рамки военной тревоги в Москве лета 1550 г., невольным свидетелем которой оказался литовский посланник, для нашей истории представляют определенный, и немалый, интерес, поскольку позволяют добавить красок в картину, нарисованную Реммалем-ходжой. Ее подробности сохранились в разрядных книгах и в летописях. Так, в «Русском Хронографе» после записи о том

что в июле 1550 г. в Новодевичьем монастыре на Дорогомилове в церкви обвалились верхи, следует сообщение, что «царь и великий князь ходил на Коломну против своего недруга Крымского царя Сап-Гирея, ...а с Коломны ходил царь и великий князь на Резань, да стоял на Резани неделю», ожидая с ратными людьми царева прихода. Однако, продолжал летописец, «царь» не пришел. Вместо себя он прислал «ис Крыму Ширинских князей, а с ними 20000 человек на царя и великого князя украины на Мещенские на места», да и то, послышав о том, что Иван IV послал против них воевод с ратью, татары повернули назад [19, с. 531–532]. Другие летописи уточняют время отсутствия Ивана в столице в связи с этой вестью – с 20-го июля по 23-е августа [1, с. 157–158].

Разрядные записи дополняют и конкретизируют краткие летописные свидетельства. В соответствии с ними, 18 июля 1550 г. в Москве были получены известия из Путивля о том, что сторожи в Поле «переехали» татарскую сакму. Эта новость обусловила отъезд 20-го июля Ивана IV из столицы на «берег», в Коломну. 21-го июля, когда царь находился в Коломенском, с Поля пришла новая весть о том, что через Северский Донец «лезли» в нескольких местах многие крымские люди (на одном только «Великом перевозе» 20 тыс.). Идут они на государеву украину, сообщали следившие за неприятелем сторожи. «а тово не ведомо, хто у них в головах и на которые места идут».

Ситуация прояснилась спустя две с половиной недели, когда 6 августа «царь» Шигалей (Шах-Али) отписал Ивану из Городка, что татары объявились на Мещере и бежавший от них полоняник Ивашко-бортник сообщал: «Пришол царевич крымской, а с ним тритцеть тысяч, а говорили меж себя, что им, опочинув, быти на мещерские и на резанские места». Тогда же, согласно разрядам, татары приходили «на белевские и на карачевские подлесья». Выслав навстречу татарам своих воевод с ратью, сам царь отправился 7-го августа в Зарайск, а оттуда – в Рязань, откуда, когда стало ясно, что гроза миновала, 16-го августа отъехал к Москве [18, с. 388–394].

Появление татар на Мещере вряд ли было случайным. Разрядные записи сообщают и еще одну любопытную подробность событий лета 1550 г., показывающую степень осведомленности Москвы относительно того, что происходило в Крыму: «Тово же лета в августе же приговорил царь и великий князь на Коломне, нечто будет пойдут царевичи ис Крыму в Казань, и отпустить бы царю и великому князю воевод с Коломны на поле царевичей поберечь» [18, с. 391–392]. Заметим, что в Москве давно ожидали попытки кого-то из крымских «царевичей» прибыть в Казань и воссесть на вакантное «царское» седалище. Во всяком случае, еще в августе 1549 г. Иван IV писал новопоставленному ногайскому бию Юсуфу: «А нечто пойдет крымской царевич в Казань, и мы того велели беречи на Поле своим людем. А ты б от себя крымского царевича велел же беречи против переволоки. А у нас те вести есть, что царевичю Имин Кирею ити в Казань на переволоку» [17, с. 298]. Так что есть все основания предположить, что появление татар на Мещере и под Белевым и Карачевым имело своей целью отвлечь внимание русских воевод и казачьих атаманов (именно мещерские казаки перехватили посольство казанского князя Енбарса в Крым весной 1549 г.!) от попытки Девлет-Гирея попасть в Казань.

«Царевич», о котором говорил Ивашко-бортник, явно Эмин-Гирей, и присутствие в его воинстве ширинских князей с их ополчением было, очевидно, неслучайным. Отношения Сахиб-Гирея с Ширинами были далеки от идеальных, и, судя по дальнейшим событиям, Ширины сыграли далеко не последнюю роль в организации переворота. Отправляя их вместе с Эмин-Гиреем на север, Сахиб-Гирей рассчитывал обезопасить себя на случай возможных политических осложнений. Кстати, возникает вопрос – если Сахиб-Гирей направил Эмин-Гирея к Перекопу для встречи Девлет-Гирея (и, что логично, не допустить его проезда на территорию собственно Крыма), то почему тогда с уходом Эмин-Гирея с большей частью войска в набег Девлет-Гирей остался в Аккермане и не попробовал прорваться в Крым раньше, летом 1550 г.? Ответ напрашивается только один – сам Сахиб-Гирей в июле все еще оставался в Крыму, и Девлет-Гирей решил не испытывать судьбу. Его время настало позднее – Реммаль-ходжа сообщал, что Сахиб-Гирей ушел в поход на черкесов, оставив Крым на попечение Эмин-Гирея. Однако Девлет-Гирей рассчитывал на поддержку Ширинов и, как показали дальнейшие события, не ошибся.

Итак, в августе 1550 г. Сахиб-Гирей ушел с лучшей частью крымского войска и своей «гвардией» в поход на черкесов, Эмин-Гирей и Ширины вернулись к Перекопу, в Москве облегченно выдохнули – гроза миновала, «царь» не придет, Иван IV вернулся в столицу и принял Ст. Едровского, который в последний день августа отбыл из русской столицы в Литву. Получается, что приезд Янмагмета (Джан-Мухаммеда) в Москву пришелся на промежуток времени между 21 августа и 20 декабря 1550 г. За эти недели в Крыму произошли серьезные политические перемены. Воспользовавшись тем, что Сахиб-Гирея нет на «острове Каффы», и договорившись с крымской аристократией (прежде всего с ширинскими «князьями» и мурзами), Девлет-Гирей захватил Бахчисарай, ханский дворец и взял в заложники ханское семейство Показания Реммал-ходжи и «Хронографа» сходятся (кроме года) в одном – это произошло в октябре. Принимая во внимание, что «скорою ездою» путь из Крыма до Москвы занимал около 2-х недель или несколько больше (дорога от Перекопа до Царев-Борисова занимала 5 дней [9, с. 67]), то Янмагмет должен был приехать в русскую столицу не раньше 2-й декады ноября 1550 г. А. Щепотев же, соответственно, отъехал в Крым в конце ноября – начале декабря того же года. 20 декабря 1550 г. состоялось заседание боярской думы, на котором, как уже было отмечено выше, была утверждена наказная память Р. Олферьеву, согласно которой А. Щепотев уже покинул Москву и уехал в Крым.

Ногайские вести о перевороте в Крыму

Эти расчеты косвенно подтверждают и сведения, которые можно почерпнуть из ногайских посольских книг. Ногайская Орда на рубеже 40-х – 50-х гг. XVI в. основательно втянулась в «Большую Игру» в Восточной Европе. Ее правящая верхушка внимательно следила за развитием событий на постордынском пространстве, пытаясь, лавируя между Москвой, Стамбулом и Бахчисараем, заполучить вполне ощутимые политические и материальные выгоды для себя и своих

улусов. Крымские Гирей между тем давно, еще со времен Менгли-Гирей I и его преемника Мухаммед-Гирей I, вынашивали идею подчинения себе Ногайской Орды, рассчитывая за счет ее военного потенциала нарастить свой политический вес и влияние. Однако отношения между Бахчисараем и ногаями носил сложный и противоречивый характер. Ногайская правящая элита отнюдь не торопилась расставаться со «своевольным» характером своего государственного образования, а попытки крымских «царей» воздействовать на ногаев кнутом только усиливали подозрительность и враждебность потомков Едигея по отношению к крымцам.

Отношения между ногаями и Сахиб-Гиреем были весьма напряженными, в особенности после того, как в 1546 г. хан захватил Астрахань, которую ногайские бии и их окружение «по старине» полагали сферой своих интересов. Сообщая Ивану IV о своем астраханском походе, Сахиб-Гирей писал, что «коли есмь Астрахань взяли, ино нагайские князи Ших-Мамай князь в головах и все мирзы нам послушны учинились: кого мы велим им воевати и им того воевати» [Цит. по: 6, с. 140]. В. В. Трепавлов полагал, что эти слова крымского «царя» не более чем обычная похвальба [21, с. 232], однако представляется, что Сахиб-Гирей если и преувеличил степень своего влияния на ногаев после астраханского похода, то ненамного. В Москве имели хорошее представление о расстановке сил в Степи и «в Нагаех», и ввести ее в заблуждение громкими словами было сложно, да и дальнейшее развитие событий косвенно подтверждает громкое утверждение крымского хана. Контроль над Астраханью позволял ее хозяину оказывать существенное влияние на «самовольную» Ногайскую Орду. Поэтому ногайский бий Шейх-Мамай и его окружение, узнав о том, что Сахиб-Гирей взял Астрахань, были ошеломлены и на всякий случай поспешили добить его челом и признать его верховенство над собой (по аналогии с 1523 г., когда, захватив Астрахань и воссев на тамошнем царском седалище, крымский хан Мухаммед-Гирей I точно также подчинил себе ногаев – но на очень короткое время). Однако Сахиб-Гирей не стал развивать свой успех и покинул Астрахань, вернув власть над астраханским юртом изгнанному было им из города хану Ямгурчи.

Ямгурчи, имея непростые отношения с ногаями, запросил поддержки у своего сюзерена и получил ее. Осенью 1548 г. ногаям (и в Москве) стало известно что Сахиб-Гирей отправил в Астрахань отряд своих ратных людей и несколько пушек, и чтобы не пропустить их в Астрахань, Шейх-Мамай договорился со своим братом Юсуфом, что тот отправит одного из своих сыновей с ратью «беречь того на дорогу» [17, с. 240, 285]. Поход ногаев к Перекопу, возглавленный сыном Юсуфа Али-мирзой, закончился трагедией – ногайское войско было разгромлено Сахиб-Гиреем, безжалостно расправившимся с взятыми в плен воинами Али-мирзы [2, с. 94–95, 207–206]. Иван IV, соболезнуя Юсуфу, писал ему потом, что Сахиб-Гирей над взятыми в полон ногаями «учинил» «разные казни, как ни в которых людех ни где и ведетца, иных на колье сажал, а иных за ноги вешал, а у иных головы отсекая башты делал», подчеркнув при этом, что «зане же нигде того не ведетца, чтоб тех людей казнити, которые на рати впадут в руки» [13, с. 155–156].

Учиненная Сахиб-Гиреем кровавая расправа над пленными, носившая явно показательный характер, сделала невозможным сближение Крыма и Ногайской Орды – во всяком случае, до тех пор, пока в Бахчисарае на «царском» седалище пребывал виновник этой бойни. Так, в сентябре 1549 г. московский посол «в Нагаех» Иван Федцов извещал Ивана IV, что «крымской, государь, царь ногаем недруг» [17, с. 304]. Только с устранением этого препятствия дорога к нормализации крымско-ногайских отношений оказывалась открыта.

И вот 3 мая 1551 г. в Москву приехал из Ногайской Орды служилый татарин Исень Келдишев, который, помимо прочих новостей он сообщил, что бий Юсуф и другие мирзы «в Крым ко царю послов своих послали», но послы те еще обратно в Орду не вернулись. И посольство это, как следует из другой новости, привезенной Келдишевым, было напрямую связано с политическими переменами в Крыму. «Пришли в Нагаи из Азова гости», – сказывал татарин, – и те гости сообщили, что «которых нагайских татар Али мирзиных крымской царь Сапкираи живых взял и сидели у него в тюрьмах, и тех крымской царь Девлеткирей ис тюрьмы выпустил». Дорога же из ногайских кочевий до Москвы у Келдишева заняла по его словам, больше двух месяцев («третей месяца», а ехал татарин из-под Астрахани), следовательно, новости, которые он привез в русскую столицу, относились к концу зимы 1550/1551 гг. Именно тогда, самое позднее, ногайское посольство отправилось в Крым [16, с. 41, 42]. Однако его отъезду должна была неизбежно предшествовать цепочка событий. Сперва в Орде должны были узнать о том, что в Крыму произошел переворот и теперь там новый «царь». Затем к бию Юсуфу должна была придти весть о жесте доброй воли со стороны Девлет-Гирея с отпуском пленников. После этого бий должен был созвать на совет глав влиятельнейших ногайских «кланов» и на этом совете добиться их согласия на отправку посольства – а эта задача, учитывая непростые отношения ногаев с крымцами, была явно непростой, Мирзы по завершению совета должны были вернуться в свои кочевья, подготовить там собственные посольства и, объединив свои дипломатические усилия, отправить совместную миссию в Бахчисарай по зимней степи.

То, что события развивались по такому сценарию, подтверждает развитие русско-ногайских отношений весной 1551 г. Пока Исень Келдишев добирался до Москвы. Юсуф снарядил свое посольство в Москву, которое прибыло в русскую столицу 19 мая 1551 г. Посол бия Ахмет передал Ивану IV грамоту от своего господина. И в ней бий сообщал царю, что «крымсково первоо царя не стало, а на его место иной царь учинился», и что теперь «тот царь с нами в дружбе и в братстве учился, и послы меж нас ходили (т.е. обмен посольствами между Юсуфом и его братьей с одной стороны, и Девлет-Гиреем с другой состоялся – В. П. О приезде к ногаям по весне 1551 г. совместного крымско-астраханско-турецкого посольства сообщал и русский эмиссар в Орде Петр Тургенев)...» [16, с. 45, 56, 58, 63, 69]. Вместе с Юсуфом свои посольства прислали и другие влиятельные ногайские мирзы. Примечательно, что грамота мирзы Касима б. Шейх-Мамай была датирована февралем 1551 г. [16, с. 42, 47], что также косвенно подтверждает версию относительно датировки времени переворота в Крыму осенью 1550 г. И вряд ли

случайным был набег молодых ногайских мирз во главе с воинственным и амбициозным Арслан-мирзой, младшим братом главы могущественного «клана» Кошумовичей мирзы Белек-Пулада, на Мещеру и Старую Рязань в начале декабря 1550 г. [18, с. 396–397] И даже если Арслан-мирза со товарищи отправился в набег по своей воле, решиться на это действие он мог только в том случае, если почувствовал перемену в настроениях на ногайском политическом Олимпе. Перемена же эта была связана с обсуждением на совете ногайских мирз, который состоялся примерно во второй половине ноября 1550 г., перспектив нормализации крымско-ногайских отношений.

Заключение

Итак, подведем итоги. В нашем распоряжении есть две версии хронологии событий в Крыму, которые привели к замене Сахиб-Гирея I Девлет-Гиреем I. Первая версия изложена Реммалем-ходжой и датирует дворцовый переворот концом октября 1549 г. Данные русских летописей, посольских книг и разрядных записей позволяют сместить хронологию Реммалю-ходжи на год вперед. Таким образом, сопоставление данных и хронике Реммалю-ходжи и в русских источниках позволяет утверждать, что дворцовый переворот и перемена власти в Крымском ханстве произошли в конце октября 1550 г. Впрочем, сам по себе процесс утверждения Девлет-Гирея у власти растянулся на несколько месяцев. Новому «царю» потребовалось время для того, чтобы достичь соглашения с главами ведущих аристократических родов Крыма и укрепить свое положение. Все эти недели прежний хан, лишенный власти и влияния, находился фактически под арестом на Тамани и дожидался решения своей участи. Это ожидание завершилось, судя по всему, в начале следующего, 1551 г., когда Сахиб-Гирей и его сыновья были убиты, после чего Девлет-Гирей казнил главных виновников его смерти и окончательно утвердился на крымском «столе».

Список использованных источников и литературы

1. Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. – М.: Знак, 2009. – Т. XXIX. – С. 117–216.
Aleksandro-Nevskaya letopis' // Polnoe sobranie russkix letopisej. – M.: Znak, 2009. – T. XXIX. – S. 117–216.
2. Бадр ад-дин Мухаммед б. Мухаммед Кайсуни-заде Нидаи-эфенди (Реммаль-оджа). История хана Сахиб-Гирея. – М.: Квадрига, 2023. – 464 с.
Badr ad-din Muxammed b. Muxammed Kajsuni-zade Nidai-e'fendi (Remmal'-xodzha). Istoriya xana Saxib-Gireya. – M.: Kvadriga, 2023. – 464 s.
3. Виноградов А. В. Крымские ханы в XVI веке // Отечественная история. – 1999. – № 2. – С. 58–69.
Vinogradov A. V. Kry'mskie xany' v XVI veke // Otechestvennaya istoriya. – 1999. – № 2. – S. 58–69.
4. Виноградов А. В. Русско-крымские отношения 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века / ИРИ РАН. – М., 2007. – Т. I. – 199 с.
Vinogradov A. V. Russko-kry'mskie otnosheniya 50-e – vtoraya polovina 70-x godov XVI veka / IRI RAN. – M., 2007. – T. I. – 199 s.
5. Гайворонский О. Повелители двух материков. – Т. I: Крымские ханы XV – XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. – Киев; Бахчисарай: Оранта, Майстерня книги, 2007. – 368 с.

- Gajvoronskij O. Poveliteli dvux materikov. – Т. I. Kry`mskie xany` XV – XVI stoletij i bor`ba za nasledstvo Velikoj Ordy`. – Kiev; Vaxchisaraj: Oranta, Majsternya knigi, 2007. – 368 s.
6. Зайцев И. В. Астраханское ханство. – М.: Вост. лит., 2006. – 303 с.
- Zajcev I. V. Astraxanskoe xanstvo. – М.: Vost. Lit., 2006. – 303 s.
7. Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV – XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. – М.: Вост. лит., 2009. – 304 с.
- Zajcev I. V. Kry`mskaya istoriograficheskaya tradiciya XV – XIX vv.: puti razvitiya: rukopisi, teksty` i istochniki. – М.: Vost. Lit., 2009. – 304 s.
8. История крымских татар: В 5-ти т. Т. 3: Крымское ханство (XV – XVIII вв.). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, АН РТ. 2021. – 1024 с.
- Istoriya kry`mskix tatar v pyati tomax. – Т. III. Kry`mskoe xanstvo (XV – XVIII vv.). – Kazan`: Institut istorii im. Sh. Mardzhani, AN RT. 2021. – 1024 s.
9. Книга Большому чертежу. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 229 с.
- Kniga Bol`shomu chertezhu. – М.–Л.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 229 s.
10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. – Т. XIII. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 544 с.
- Letopisny`j sbornik, imenuemy`j Patriarshej ili Nikonovskoj letopis`yu // Polnoe sobranie russkix letopisej. – Т. XIII. – М. Yazy`ki russkoj kul`tury`, 2000. – 544 s.
11. Некрасов А. М. Возникновение и эволюция Крымского государства в XV – XVI веках // Отечественная история. – 1999. – № 2. – С. 48–58.
- Nekrasov A. M. Voznikovenie i e`voljuciya Kry`mskogo gosudarstva v XV – XVI vekax // Otechestvennaya istoriya. – 1999. – № 2. – S. 48–58.
12. Непомнящий А. А. Начало научного этапа разработки источников по истории Крымского ханства: В. Д. Смирнов // Золотоордынское обозрение. – 2015. – № 3. – С. 113–142.
- Nepomnyashhij A. A. Nachalo nauchnogo e`tapa razrabotki istochnikov po istorii Kry`mskogo xanstva: V. D. Smirnov // Zolotoordyn`nskoe obozrenie. – 2015. – № 3. – S. 113–142
13. Новиков Н. Продолжение Древней Российской вивлиофики. – СПб.: Тип.-я Академии наук, 1793. – Ч. VIII. – 336 с.
- Novikov N. Prodlolzhenie Drevnej Rossijskoj vivliofiki. –SPb.: Tip.–ya Akademii nauk, Ch. VIII. – 1793. – 336 s.
14. Остапчук В. Хроника Реммалы Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани, 1223–1556. – Казань: Институт истории АН РТ, 2001. – С. 391–421.
- Ostapchuk V. Xronika Remmalya Xodzhi «Istoriya Sagib Gerej xana» kak istochnik po kry`msko-tatarskim pohodam // Istochnikovedenie istorii ulusa Dzhuchi (Zolotoj Ordy`). Ot Kalki do Astraxani, 1223–1556. – Kazan`: Institut istorii AN RT, 2001. – S. 391–421.
15. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II (1533–1560 г.) // Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб.: Тип-я Ф. Елеонского и К⁰, 1887. – Т. 59. – XV+629+55+98 с.
- Pamyatniki diplomaticeskix snoshenij Moskovskogo gosudarstva s Pol`sko-Litovskim. T. II (1533–1560 g.) // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshhestva. –SPb.: Tip-ya F. Eleonskogo i K⁰, 1887. – T. 59. – XV+629+55+98 s.
16. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). – Казань: Татарское книжное изд-во. 2006. – 391 с.
- Posol`skie knigi po svyazyam Rossii s Nogajskoj Ordoj (1551–1561 gg.). – Kazan`: Tatarskoe knizhnoe izd-vo. 2006. – 391 s.
17. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1995. – 360 с.
- Posol`skie knigi po svyazyam Rossii s Nogajskoj Ordoj 1489–1549 gg. – Maxachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel`stvo, 1995. – 360 s.
18. Разрядная книга 1475–1605 гг. – Т. I, ч. II. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1977. – С. 189–406.

Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. – Т. I, ch. II. – М.: Institut istorii SSSR AN SSSR, 1977. – S. 189–406.

19. Русский Хронограф // Полное собрание русских летописей. – Т. XXII. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 896 с.

Russkij Xronograf // Polnoe sobranie russkix letopisej. – Т. XXII. – М.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2005. – 896 s.

20. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: В 2-х т. – М.: Изд. дом «Рубикон XXI», 2005. – Т. I. – 541 с.

Smirnov V. D. Kry'mskoe xanstvo pod verhovenstvom Otomanskoj Porty': V 2-x t. – М.: Izd. dom «Rubikon XXI», 2005. – Т. I. – 541 s.

21. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. – М.: Вост. лит., 2002. – 752 с.

Trepavlov V. V. Istoriya Nogajskoj Ordy'. – М.: Vost. Lit., 2002. 752 s.

22. Худяков М. Д. Очерки по истории Казанского ханства. – М.: ИИНСАН, 1991. – 320 с.

Xud'yakov M. D. Oчерki po istorii Kazanskogo xanstva. – М.: INSAN, 1991. – 320 s.

Penskoy V. V. On the Circumstances of the Palace Coup and the Timing of Devlet Giray I's Accession to the Reign in Crimea

The mid-16th century was a time of great change in Eastern Europe. Following political turmoil caused by the intensified power struggle between boyar clans during the minority of Ivan IV, the Russian state returned to the «Great Game». Kazan became the focus of Moscow's primary foreign policy efforts. The conquest of Kazan in 1552 abruptly altered the balance of political power in the region. This inevitably caused concern among Russia's neighbors, including the Ottoman Empire. Fearing Moscow's further strengthening as a potential participant in the anti-Ottoman coalition and dissatisfied with the high-handedness of its vassal, the Crimean Khan Sahib Giray I, Istanbul decided to replace the head of the Crimean Khanate. As a result of a palace coup, Sahib Giray was overthrown. He was replaced by one of the most prominent representatives of the Crimean Giray dynasty, Devlet Giray I. There is no consensus in Russian and foreign historiography regarding the timing of the coup and its circumstances. The prevailing view places this event in the autumn of 1551. This article presents arguments, based on an analysis of Russian sources (chronicles, register books, and diplomatic correspondence), in favor of a different dating for this important event – the autumn of 1550.

Keywords: Eastern Europe, Ottoman Empire, Crimean Khanate, Russian state, Nogai Horde, Russian–Crimean relations, Girays, Sahib Giray I, Devlet Giray I, Ivan the Terrible, Remmal Khoja.